

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
ДОСТОПАМЯТНЫХ
ЛЮДЕЙ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ

X-XX вв.

1189284

Московский рабочий

1992

Житие преподобного отца нашего Кирилла, игумена обители Пречистой Богородицы, которая на Белом озере

реподобный отец наш Кирилл был рожден и воспитан в преименитом городе Москве, в семье благородной и благочестивой, наречен же во святом

крещении Косьмою. С юных лет отдан был изучению книг святых. Отрок отличался остротою ума, вскоре изучил Божественное Писание и, прилежа чтению книжному, возрастал в деле спасения. Рос в воздержании и чистоте, преуспевая в делах Божиих. Не достиг он и совершенного возраста, как родители от временной этой жизни отошли. Умирая же, вручили отрока Косьму, сына своего, сроднику Тимофею. А он был одним из вельмож великого князя Дмитрия¹, управляя округом. Блаженный же отрок в сердце своем Божественное хранил желание, желая в иноческий чин облечься. Испытывал же места, и образы, и жилища иноческие, где бы можно было удобно спастись, но никто не осмеливался постричь его, боясь вельможи Тимофея. В миру Косьма жил подобно иноку: всегда посещал церковь, соблюдал чистоту и целомудрие, умерщвлял плоть постом и воздержанием и во всяких добродетелях упражнялся. Все это наблюдая, радовался Тимофей и весьма любил его.

Когда же достиг Косьма возмужания, доверил ему Тимофей управление домом своим, как человеку верному, как сроднику, боящемуся Бога. Но Косьма в сердце своем думал лишь о том, как бы ему стать иноком: Божественною любовью, словно огнем, изнутри распался. Тайну же эту никому не раскрывал, чтобы, увидав ее, не стал господин его Тимофей чинить преград на избранном пути. Печалился часто Косьма блаженный, наблюдая, как обременен мирскими делами. И не знал, как их избежать. И молился о том прилежно Богу, дабы каким-либо образом избавил его от житейской суеты и к иноческому привел безмолвию. Господь, благоприятствуя намерению его, устроил так, что пришел в Москву игумен Махрищского монастыря, блаженный Сте-

фан², человек добродетельный и совершенный, которого все знали и почитали ради богоугодной его жизни. Узнав о его прибытии, Косьма с радостью устремился к нему: от многих людей слыша о нем, жаждал увидеть его. И припав к честным ногам его, проливая слезы, рассказал о желании своем и умолял его, да возложит иноческий образ на него. «Тебя,— говорил,— освященная глава, давно хотел повидать, ныне же сподобил меня Бог видеть честную твою святыню. Молю же тебя, ради Бога, не отринь меня грешного, как и Христос не отринул мытаря и блудного сына».

Преподобный же Стефан, видя его слезы и доброе желание, понял, какой это будет сосуд Святого Духа, и начал размышлять, как бы сотворить из него инока, поскольку знал, что вельможа Тимофей ни за что не захочет отпустить его в иночество. «Если расскажем ему, то не допустит этому совершиться: если начнем молить его, не послушает нас». Тогда придумал — просто возложил на Косьму одежды иноческие, без пострижения и подобающих обетов и молитв, и нарек имя ему Кирилл. И, оставив его в доме, где сам остановился, пошел к вельможе Тимофею. И когда возвестили тому о приходе игумена Стефана, тот обрадовался, поскольку весьма почитал его, и, встав, поклонился ему и принял благословение. Преподобный же, благословение подав, сказал: «Богомолец ваш Кирилл благословляет вас». Тимофей же спросил: «Какой Кирилл?» Отвечал игумен: «Косьма, бывший слуга ваш, ныне изволилось быть ему во иночестве и Господу поработать, а о вас Бога молить». Тимофей же, когда услышал это, великого гнева и скорби исполнился и начал яростно нелепыми словами игумену Стефану досаждать. Преподобный же сказал: «Повелено Христом Спасителем,— если где примут вас и послушают, там пребывайте. А если не примут вас, если не послушают вас — уходя оттуда, отрясите прах, который на ногах ваших во свидетельство»³. Так сказал Стефан преподобный, уходя от него.

Ⲫ ⲁ
ⲠⲀ ⲠⲢⲠ ⲘⲚⲢⲓⲘⲗ

ⲄⲖⲠⲠⲠⲠⲠⲠⲠⲠⲠⲠ

Жена же Тимофея, Ирина, была благочестива и боялась Бога. Услышав же слова Стефана, но более слова Христа, устрашилась сердцем, и начала увещавать мужа своего, укоряя, что он преподобного оскорбил. «Страшно,— говорила она,— да не найдет внезапно гнев Божий на дом наш за бесчестие угодника Божьего. Слышал ты слова Христа, произнесенные им, слова страшные и ужасные? А что за ними следует? Вспомни написанное в Евангелии — отраднее будет Содому и Гоморре в день судный». Муж же ее Тимофей, раскаяваясь во грехе своем, вскоре послал ко святому Стефану, умоляя того возвратиться к нему. Когда же возвратился святой, пал к ногам его Тимофей, прощения прося и примиряясь с преподобным. И в тот момент вельможа под влиянием Бога умилился сердцем, уступил просьбе преподобного, разрешил Косьме, нареченному Кириллом, жить по своей воле. Кирилл же, все, что имел, раздал убогим, ничего себе не оставив. Блаженного же Стефана молил, чтобы сотворил над ним иноческий чин пострижения.

Преподобный же игумен Стефан, усмотря в том пользу для новоначального, привел его в Симонов монастырь⁴ и отдал для пострижения архимандриту Феодору, который был сродником великому среди отцов Сергию и учеником его был. Феодор же тот был муж добродетельный и рассудительный в делах духовных, искусен и начитан, добрый наставник ищущих Бога. Постриг он Косьму окончательно и нарек его Кириллом, как и преднарек его преподобный Стефан. Жил же тогда в Симоновом монастыре некий инок, именем Михаил, который позже стал епископом города Смоленска. Дивное житие в Боге он проходил: в молитвах, постах и бдениях и во всяком воздержании. Ему и вручил архимандрит Феодор новоначального инока Кирилла, чтобы наставил он его на путь, ведущий в Царство Небесное. Кирилл же, видя постнические подвиги своего старца, стал подражать доброму его житию, с усердием повинуюсь ему. Старался же делать все, что видел,— вменяя себе пост, словно насыщение; труды, словно покой, а наготу в зимнее время, словно тепло; спал же совсем немного. Так томил плоть свою, подчиняя ее духу. Ничего же не дерзал делать без благословения и повеления старца, но умолял его: да повелит ему больше иных братьев поститься — через два, а то и через три дня есть. Старец же не разрешил, но повелел с братьями хлеб есть, но только не до сытости. Когда же старец ночью Псалтырь читал, повелел ученику поклоны класть. И так проводили ночь до самого клепания⁵ на заутреню.

Бывало, что в келии на всенощном стоянии,

Кириллу блаженному многообразные страшилища и привидения бесовские являлись, а чаще всего, когда случалось старцу вне келии находиться, но он Иисусовою молитвою и крестным знамением, словно грозным оружием, невидимых врагов прогонял. Рассказывал же о том святому старцу своему, а тот, укрепляя его, велел не бояться бесовских страшилищ, как несуществующих. Пребывал же у великого того подвижника немалое время в истинном повиновении, не имея своей воли. Повелением же архимандрита ходил на общее послушание⁶ трудиться в хлебню. Там же начал более воздерживаться, труды к трудам прилагая со смирением, сам же более иных трудился, творя надлежащие дела. Всенощных же молитв, которым у старца обучился, не оставлял, многие ночи без сна проводя. На утреннее же пение соборное в церковь раньше всех приходил, а после службы позже всех уходил. Пищи же принимал ровно столько, чтобы от голода не изнемогнуть телу и не упасть на землю. Иногда же ел, чтобы братия не узнала о его воздержании. Питием же ему служила только вода, и то пил лишь тогда, когда жаждал. Таким был он по отношению к своей плоти немилостивым томителем. И все дивились этому. Он же любим был всеми: какой только в нем не было добродетели — безропотное послушание, молчаливая кротость, глубокое смирение, любовь же ко всем нелицемерная.

В те времена преподобный отец наш Сергий Радонежский, чудотворец среди живых, приходил иногда в Симонов монастырь, посещая архимандрита Феодора, сродника своего, и прочих братьев. И сначала шел в хлебню к блаженному Кириллу и наедине в течение многих часов беседовал с ним о пользе душевной. И видели обоих, возделывающих душевную борозду, сеющих семена добродетели, напояющих ее слезами, дабы радостная в будущем веке обреталась жатва. Когда же они подолгу беседовали, архимандрит, уведав о пришествии преподобного Сергия, с братиею приходил к нему и любовное о Христе принимал целование. Удивлялись же все они, что святой Сергий всех оставлял, в том числе и самого архимандрита, и к одному приходил Кириллу. Известна святому жизнь святого, преподобному открыта святыня преподобного.

Пробыв же в хлебне время немалое, святой Кирилл послан был настоятелем на другую службу, в поварню, и там, как в хлебне, подвизался. Глядя же на огонь в поварне, вспоминал геенский огонь вечного мучения и говорил сам себе: «Терпи, Кирилл, огонь этот, чтобы вечного огня избежать». И от этого многое давал ему Бог умиление: без слез⁷ не мог даже хлеба

вкусить, иногда же ни одного слова не мог промолвить. Такое его житие видели братья, имея среди себя не человека, но словно ангела Божия. Он же, видя, что братья его почитают и хвалят, желая утаить добродетель свою, притворился юродивым и начал глумиться и смеяться, чтобы не почитали и не хвалили его, считая, что пусть лучше бесчестят и ругают его: возлюбив бесчестие больше чести; и досаждения более похвалы — все это за любовь Христову; ради Него все остальное почитая за отбросы. Увидев юродство его, братия засомневались. Иные считали, что он в уме повредился, иные считали, что он от такой жизни развратился. Он же, под видом буйства, великую духовную в сердце его обитающую премудрость утаить пытался. Архимандрит же на него, словно бесчинного и развращенного, налагал епитимью⁸: пост и воздержание, чтобы он только хлеб и воду вкушал в течение сорока дней или даже дольше. Он же с усердием воспринял и исполнил все это: этого и добивался, чтобы свободное свое, к которому привык, пощение, под видом епитимьи совершать. Словно он не по своей воле, но по воле настоятеля пост совершает. Когда же истекли дни положенного поста, блаженный Кирилл новое сотворил юродство, чтобы большее запрещение и епитимью от настоятеля принять. И случалось порой, что повелением отца в течение шести месяцев только сухой хлеб с водою, да и то через два дня на третий, вкушал.

Такие запрещения и досаждения многие принимая, радовался он духом. Поскольку гордые о славе и чести своей радуются, а смиренные — о бесчестии и уничтожении своем веселятся. Прибегал же святой к притворному юродству до тех пор, пока не разгадали его умысел, что ради смирения он все это делает. Когда же разузнал настоятель об этом, то перестал налагать на него запрещения, даже если он и юродство какое совершал. Как-то подумал преподобный Кирилл, что хорошо бы ему освободиться от службы в поварне, а находиться в келии своей безмолвно⁹, чтобы от безмолвия большее умиление стяжать. Не хотел же об этом просить настоятеля, чтобы не искать своей воли, но положился на волю Пресвятой Богоматери, к Ней великую питая любовь и веру, и всю надежду свою возложил на Нее. Помолился, чтобы Она все устроила. Захотел архимандрит некую книгу переписать, знал же он, что блаженный Кирилл хорошо умеет писать. Повелел ему отложить послушание в поварне, сесть в келье и переписывать книгу. И узнал Кирилл, что Пречистая Матерь Божия услышала молитву его, и возблагодарил Ее. И принял, радуясь, келейное безмол-

вие. Переписывая же повеленную ему книгу, не переставал совершать обычного своего правила: молился помногу и ночи проводил без сна в псалмопении и коленопреклонении.

Но по прошествии некоторого времени, рассмотрев свое пребывание в келии, понял, что не приобрел большего умиления, нежелал когда работал в хлебне и в поварне. Тогда начал умолять Пречистую Богородицу, да подаст ему то умиление, которое прежде испытывал. А спустя некоторое время настоятель вновь послал его в поварню на служение братиям. Радовался этому святой Кирилл и великие подвиги совершал и большее, чем прежде, умиление стяжал. Пребывал же он в этом страданиях, днем огнем опаляем, а ночью от холода замерзал, но никогда в эти годы овчина не покрывала тело его. По истечении же этих лет архимандрит взял его из поварни и отвел к архиерею и хиротонисан¹⁰ был, как ни сопротивлялся святой Кирилл, во священство. Служение священническое согласно чередой проходил, но по-прежнему принимал участие в монастырских работах. Когда было время свободное — шел в поварню или в хлебню и трудился смиренно, подчиняясь тем, кто был ниже его чином, по слову Господню: «Если кто из вас хочет быть большим, да будет всем раб»¹¹.

Вскоре архимандрит Симонова монастыря, блаженный Феодор, муж достойный почитания, Божиим изволением избран был в пречестнейший сан архиерейский на престол Ростовской архиепископии. А на его место в Симоновом монастыре возвели архимандритом преподобного Кирилла. Не послушав многократных его отказов и слез, убедили принять настоятельство. Преподобный же, приняв начальство, начал трудиться еще больше, зная Писание: «Кому дано будет много, много и взыщется от него»¹². И еще: «Так да просветится свет ваш пред людьми: если увидят ваши добрые дела, то прославят Отца вашего, Который на небесах»¹³. Управляя же обителью, никогда не возносился мыслию из-за сана своего, ни воздержания не прекратил, но жил, как и прежде, блюдя смирение своего любомудрия. Ко всем же, великим и малым, нелицемерную проявляя любовь, всех радостно принимал; старых, как братьев, а иных же как детей. И сам он всеми был любим, почитаем и славим. И многие вельможи и князья приходили к нему ради пользы. Видя же, что от этого пересекается безмолвие, начал он скорбеть и тужить. И помышлял о том, как бы ему оставить начальство и в келии предаться безмолвию. И спустя некоторое время он так и поступил:

оставил сан архимандрита и ушел в прежнюю келью, затворился в ней, не откликаясь на мольбы. Многие из братии, приходя, молили его со слезами — да не оставит управления святой обителью. Но он даже не хотел их слушать. А поскольку обитель без настоятеля существовать не может, возвели в сан архимандрита некоего иеромонаха Сергия, прозванием Азакова, который впоследствии стал епископом в Рязани. А святой Кирилл начал в келье своей безмолвствовать. Но не может укрыться город, на верху горы стоящий, ни светильник утаиться под спудом: насколько от славы людской он убегал, настолько прославлял его Бог, говорящий: «Прославляющего Меня — прославлю»¹⁴.

Из различных городов и стран приходили к нему духовные и мирские люди: было же слово его равновесно солью разума, и благодать Божия изливалась из уст его, и все, слушая его, испытывали сладость. Увидел же, что вместо него поставленный архимандрит Сергей Азаков начал завистью побеждаться. Возомнил, что презирают его приходящие к блаженному Кириллу, и негодовал сильно: зависть не ведает, что надо предпочесть полезное. Преподобный же Кирилл, узнав о негодовании архимандрита, не оскорбился, не стал пререкаться. Будучи прав сердцем, он дал место гневу, а сам ушел в монастырь Рождества Богородицы, который прозывался «старым», и поселился там. Помышлял же о том, чтобы удалиться подальше от мира в пустыню. И всегда о том молился Богу и Пречистой Богородице и, взирая на икону Пречистой Богоматери, говорил: «Пречистая Мать Христа Бога моего. Ты знаешь, что всю мою надежду на Тебя возложил от юности. Сама Ты, наставь меня, покажи мне путь, которым пойду, покажи мне место, удобное для спасения». Так часто со слезами молил и скоро получил просимое. Господь волю боящихся Его исполняет, и молитвы их вместе с Пречистою Матерью Своею слышит.

Был же у преподобного Кирилла обычай — в течение всей ночи петь Пречистой Деве перед образом Ее Пречестным акафист. Так в одну из ночей пел он по обычаю акафист, в сердце же своем хранил желание пустынной жизни и о том с воздыханием молился. Когда же дошел до написанного в акафисте места: «Странное Рождество видево, устранимся от мира, ум на небо вознеся», умилился сердцем от этих слов и, перестав читать, размышлял, насколько велик в Божестве Христос Господь, явившийся на землю во плоти смиренным человеком. И о том, чтобы устраниться и ему от мира ради Его любви, чтобы к высоте Боговидения вознестись. И разгорелось в нем горячее

желание уйти от мира в пустыню ради любви Божией. И начал еще прилежнее молиться Господу и госпоже Деве Богородице: да наставят его, как ему спастись. И вдруг услышал голос дивный из-за стен келии, издали, с высоты говорящий: «Кирилл, уйди отсюда. Иди на Белое озеро и покой там найдешь, там тебе уготовано место, в котором спасешься». Преподобный же быстро отворил оконце келии и увидел свет великий, сияющий с неба, к северу, туда, где Белое озеро, и лучом указывая ему, словно перстом, место его поселения. И так глядя, святой застыл в ужасе и увидел то место, находящееся в далекой стороне, словно оно находилось неподалеку. Глядел же на это, пока чудный тот свет небесный не исчез. После этого, как закончилось это дивное видение, почувствовал он, что сердце его исполнилось мира и радости и разумения, поскольку Пречистая Богоматерь не презрела молений его. И с великой благодарностью продолжал акафистное пение и всю ту ночь без сна провел, молясь в теплоте духа, и со удивлением размышлял о бывшем ему видении, веселился и славил Бога.

Был же у него духовный брат, звали его Ферапонтом, верный и любезный ему: был же он вместе со святым пострижен во иночество. Бывал же Ферапонт на Белом озере. Святой спросил Ферапонта, есть ли на Белом озере место, где можно было бы иноку предаться безмолвию? Ферапонт же отвечал, что там немало удобных мест для уединения. Договорились они уйти из монастыря и пойти к Белому озеру, положившись на Бога. Через много дней достигли Белоозерской стороны, обошли немало пустынных мест, пока не нашли то, которое искали — указанное ему в видении место, где ныне монастырь стоит. Туда прийдя, узнал это место и сильно возлюбил его и сотворил молитву: «Это покой мой, здесь поселюсь, как изволила Пречистая Матерь! Благословен Господь Бог отныне и до века, поскольку услышал моление мое!» И водрузил крест на месте том и благодарственный канон отпел в похвалу Пречистой Богородице. И лишь тогда рассказал Ферапонту о бывшем ему в монастыре видении об этом месте. Они возблагодарили Бога и Пречистую Богоматерь, поселились там и сначала выкопали себе в земле небольшую келию и некоторое время жили вместе. Но посоветовавшись, разлучились, поскольку блаженный Кирилл жаждал полного безмолвия. Кирилл на этом месте остался, а Ферапонт недалеко оттуда отошел, поприщ на пятнадцать, и обрел место удобное, поселился там, где потом выстроено монастырь собравшимися к нему братьями. Устроили и создали

там церковь во имя Рождества Пречистой Богородицы. И ныне тот монастырь, благодатию Божией распространенный и умноженный и изрядно устроенный, называется Ферантонов ¹⁵.

Место же, где преподобный Кирилл поселился, заросло густым лесом и не было близости селений. Прекрасно же и округло было это место, водами, словно стеною ограждаемое. И жил там отец святой в келии, в земле выкопанной, постнические и пустынные проходя подвиги и ополчаяся на невидимого супостата. Как-то некие два христианина, по пустыне той проходя, нашли святого и удивились пустынному его, столь жестокому пребыванию и слушали Богодухновенные слова его. И потом начали часто приходиться к нему, желая святолепное лицо его видеть, сподобляясь от него принять благословение на пользу душевную. И приносили все необходимое старцу, вот их имена: Авксентий, по прозвищу Ворон, и Матфей, по прозвищу Кукос, который позже стал пономарем в этой обители. Рассказывали же эти люди следующее: задолго до описываемых событий, некий земледелец, по имени Исаяя, жил около этого места, где поселился святой Кирилл. Тот Исаяя и те, кто жили с ним, часто слышали звуки колокола и голоса, которые дивно пели на этом самом месте, а чаще всего в дни воскресные и праздничные. И не только Исаяя, но и другие люди, проходя около того места, звуки колокола и голоса певцов слышали. Не раз, заслышав звуки, приходили на то место, надеясь кого-то увидеть, стараясь понять, откуда пение доносится. Голоса слышали, но никого не видели. Изумлялись и ужасались, уходя — не просто все это осознать.

С теми же двумя, Авксентием и Матфеем, как-то обходил преподобный пустыню. Враг же, ненавидящий добро, зная, что будет изгнан преподобным Кириллом, не мог ни привидениями, ни мечтаниями устрашить его: поскольку все это преподобный воспринимал, как паутина. Тогда враг изобрел такую кознь: навел попушением Божиим тяжелый сон на него. И не мог идти святой, смариваемый сном, но захотел лечь и поспать. И сказал спутникам: «Вы посидите, пока я немного посплю». Они же ему отвечали: «Отче, иди в келию и там поспи». Он же не мог идти, побеждаемый сном. Увидев же место приятное для сна, возлег, чтобы поспать. Когда же уснул, страшный голос разбудил его: «Беги, Кирилл, беги». Он же, пробужденный этим необычным голосом, ужаснулся и отбежал от места. И тот же час упало огромное дерево и ударило по тому месту, на котором святой лежал. И уразумел преподоб-

ный, что был то вражеский навет, и начал с того времени бодрствовать и соблюдать предосторожность. И молился Богу и Пречистой Его Матери, чтобы отняли от него тяжесть сна. И сбылось по прошению его — многие дни и ночи без сна проводил, даже не задремывая. Ночью на молитве стоял, а днем трудился, вырубая лес и очищая место, которое зарастало лесом. Расчищал землю, желая посеять семя, чтобы в поте лица своего и от трудов рук своих питаться. Как-то, собрав много хвороста около того места, зажег его. Дьявол же воздвиг ветер сильный, и дым с пламенем окружил преподобного отовсюду, и не знал, куда бежать, потому что дым все застилал. Святой же в такой нечаянной беде, предчувствуя скорую смерть, возвал к Скорой Помощнице — Пречистой Деве Богородице. И явился ему некто и, взяв его за руку, сказал: «Иди за мной». И вывел его из огня невредимым, тут же став невидимым. Так помощь Пресвятой Богородицы помогла избавиться рабу своему от беды нечаянной.

Пришли к нему два брата из Симонова монастыря, любезные и единомышленники: Зеведей и Дионисий. Увидев их, обрадовался преподобный и принял их. Также пришел некто именем Нафанаил, впоследствии ставший келарем обители, и другие братья начали приходиться к святому ради созидания духовного. Сердце его глубоко было возделано благодатью Духа Святого, сладкие плоды учения преподавал он. Из-за того пришедшие просили его стать отцом духовным. Видели они житие его чудное и слово Богодухновенное. Он же отказался стать наставником, недостойным и грешным себя именуя. Побеждаемый же братолюбием и желая спасти души человеческие, начал принимать братию. Те же срубили себе небольшие кельи и жили близ него ради Бога. Человек же некий, именем Андрей, живя неподалеку от той пустыни, возненавидел преподобного Кирилла и тех иноков, которые поселились с ним. Наущаемый же дьяволом, пришел ночью и хотел поджечь келью святого. И когда приблизился к келье, напал на него ужас и убежал от страха. Пришел другой ночью и, зажегши огонь под стеной, отбежал, чтобы не поймали его. Стоя вдальке, ждал, когда загорится келья с живущим в ней отцом. Но огонь, к деревянной стене, словно к камню или ко льду поднесенный, погас. Все это Андрей повторял несколько раз, в разное время глубокой ночью проходя, но ничего не мог поделывать; страх и ужас нападали на него оттого, что огонь, подложенный под стену, погасал. Пречистая же Матерь Божия не только раба Своего Кирилла блаженного, но и

труды рук его берегла от огня неповрежденными.

Тогда человек этот пришел в себя и, познав грех свой, убоился, да не найдет на него внезапно какая-нибудь месть Божия, то пришел с покаянием к преподобному и подробно исповедал грех свой, обливаясь слезами. Святой же, словами душеспасительными наказав его, чтобы впредь не слушал вражеского лукавого совета, простил его и отпустил с миром. Сам же начал петь благодарственный канон покровительнице своей Пречистой Деве Богородице. Спусти же некоторое время этот Андрей вновь пришел к святому и умолял, чтобы он принял его к себе и постриг в иночество — все это исполнил преподобный. Он же, сподобившись иноческого чина, пребывал в послушании, всегда каясь о прежних грехах своих и всем братьям исповедал свой грех — как он хотел поджечь обитель. Умножалось же число братий день ото дня: многие отовсюду приходили к преподобному, одни ради спасения, другие же ради того, чтобы поселиться с ним. Преподобный же, подражая Господу, сказавшему: «Приходящего ко Мне не изгону»¹⁶, — принимал тех, кто хотел потрудиться и терпеть невзгоды пустынного житья ради Бога. Строились кельи, и созидался монастырь, и устанавливалось общежитие¹⁷; все вместе трудились и от трудов своих собирали все, необходимое для пропитания. Хотели же братья срубить церковь, но не нашлось среди них искусных мастеров, а место отстояло далеко от селений, и печалились они об этом. Преподобный же Кирилл, имея обычай сначала во всех своих нуждах и потребностях полагаться на волю и промысел Пречистой Девы Богородицы, всегда получая просимое, и здесь возложил надежду на Богоматерь, помолился к Ней с упованием, и вскоре пришли мастера, никем не званные, и срубили церковь во имя Пречистой Девы Богородицы, в честь Ее Успения¹⁸.

Узнали и рядом живущие люди стороны той, что в Белозерской пустыне иноки собираются и монастырь строится и уже церковь создана, и удивлялись: помышляли же, что, наверное, Кирилл многие богатства принес с собою, а наиболее, когда узнали, что был он архимандритом в Симоновой обители. Вообразили, что там он богатства многие стяжал. Некий боярин, именем Феодор, наущаемый дьяволом, послал разбойников, чтобы напали на обитель ночью, сотворили пакости и озлобления Кириллу и забрали богатства его. Разбойники отправились и, будучи неподалеку от монастыря, дожидались ночи, чтобы на спящих напасть нечаянно. Увидели же вокруг мо-

настыря множество людей: иные из них стреляли из луков, другие что-то делали. Стояли разбойники в густом лесу, смотрели на людей тех издали и ожидали, пока те от монастыря отойдут. Ждали же разбойники до полуночи, но люди, которых они видели, не отходили никуда, не спали, но словно стерегли монастырь. Ушли разбойники восвояси. В следующую ночь также пришли и опять видели людей, гораздо больше, чем в первый раз: некие из них были словно вооруженные воины и стреляли; испугались разбойники и ушли.

Рассказали же боярину своему, а тот решил, что это что-то из вельмож со множеством слуг пришел к преподобному за благословением и помолиться и, замедлив, заночевал у того в монастыре. И послал Феодор незнакомо человека в монастырь, чтобы разведать, кто был в монастыре вчера и третьего дня. И узнал посланный, что никого не было в монастыре и уже более недели никто не приходил. И возвестил это посланшему его боярину. Услышав это, боярин удивился и ужаснулся, познав, как Бог покрывает раба Своего. Боясь же, как бы суд Божий не настиг его, поскольку хотел оскорбить угодника Божьего, поспешил к святому и каялся со слезами, исповедуя грех свой, и рассказал ему то, что видели посланные им разбойники. Преподобный же Кирилл, божественными словами Божественного Писания наказав его и простив, сказал: «Верь мне, чадо Феодоре, ничего не имею в жизни этой, кроме этой изодранной одежды, которую видишь на мне, и немного книжиц». Феодор же удивился нестяжанию мужа и его добронравию и пошел в дом свой, благодаря Бога, что не попустил ему оскорбить угодника Своего и впасть в такой грех и в руки врага-губителя. С того времени Феодор великую стяжал любовь и веру ко святому и относился к нему не как к человеку, но как к ангелу Божию. И приходил к нему за благословением, принося все необходимое, и никогда с пустыми руками к нему не приходил.

Разносилась же о преподобном Кирилле слава повсюду, и многие к нему приходили. Пришел же к нему в обитель некий инок, именем Игнатий, великий в добродетелях, и жестокое, более, чем кто-либо, проходивший житие, и являл он при преподобном Кирилле во всем иной образец братьям. Сказано же было о том Игнатии, что за тридцать лет своего иночества он никогда не спал лежа, но или просто стоя или присев, краткою дремою сон отгонял. Таков был этот муж и иные ему подобные подвижники, соизволившие сожителемствоваться с преподобным Ки-

риллом, ради совершенного в Богоугождении жития его.

Устав же и чин жития иноческого был в обители преподобного Кирилла следующим: в церкви никто ни с кем не разговаривал, никто не выходил прежде окончания правила. Каждому повелевал в одном и том же установленном месте и чине стоять со страхом, внимая пению. Так же и в поклонении святому Евангелию и святым иконам соблюдалось благочиние по старшинству, чтобы не было никакого замешательства. Сам же блаженный настоятель в церкви стоял, никогда не прислоняясь к стене, никогда не ко времени не приседая, ноги его от постоянного стояния были словно столбы. Также и на трапезе подобный чин строго соблюдался: каждый сидел на своем месте с кротостью и молчанием, и никого никогда не было слышно, только чтеца¹⁹. Братиям всегда три блюда предлагалось, кроме постных дней²⁰, в которые поется «аллилуйя»: в те дни воздерживались по собственной воле и возможности,— иные только хлеб вкушали, иные же день без пищи проводили. Настоятельно та же пища предлагалась, что и братии, и равный с прочими удел, но преподобный ничего до сытости не вкушал. Восставши же от трапезы, после благодарения каждый молча уходил в свою келью, не уклоняясь ни на какую беседу, не принимая в свою келью брата, кроме разве неотложной необходимости.

Как-то случилось одному брату, именем Мартиниан, вышедшему с трапезы, пойти к другому брату ради некоей потребности. Увидев его, преподобный призвал к себе и спросил: «Куда направился?» Он же отвечал: «Имею нужду ко брату и из-за этого хотел зайти к нему». Святой же, словно понося его, сказал: «Так ли хранишь чин монастырский? Не мог ли ты пойти сначала в келью свою и должную молитву сотворить, а уже потом, если тебе так необходимо, пойти ко брату?» Мартиниан, словно усмехаясь, отвечал: «Отче, когда прихожу в келью свою, уже не могу выйти». Святой же отвечал ему: «Так твори всегда: сначала в келью иди, и келья всему доброму тебя научит». Хранился же в обители и такой чин: если кто из приходящих принесет от кого грамоту или некое приношение, тот брат, грамоту не распечатывая, приносит настоятелю. Так же и то, что принесли ему, ко отцу нес. Так же, если кто хотел от себя кому вне монастыря письмо послать, никто не дерзал без повеления настоятеля этого делать. В келии же не разрешалось никому иметь что-либо, кроме самых необходимых вещей, не разрешалось ничего называть своим, но, по

слову апостола, все было общим. Серебра вообще не было у братии, кроме общего монастырского хранилища, из него же монахи все необходимое брали. Даже куска хлеба не разрешалось иметь в келии, ни какого-либо питья. Если кто хотел пить, тот шел в трапезную и там с благословения утолял жажду свою. И если кому случилось войти в келию какого-либо брата, то видел не что иное в ней, как иконы, книги и сосуд с водою, чтобы руки помыть. Так от всяких пристрастий пребывали свободными, одно попечение имея — Богу угождать, и друг ко другу смирение и любовь сохранить, и ради общих нужд трудиться. А на церковное пение, как и на монастырское послушание, всякий с усердием спешил, друг друга обгоняя, чтобы придти первым. И всякий неленно, по силе своей трудился; не как для людей, но словно для Бога работая.

Во всяком же общем деле и следующее правило соблюдали, чтобы не было ни пререканий, ни праздных слов: каждый молча трудился, соблюдая духовное любомудрие. И каждый словно перед очами Всевидящего Бога стоял и трудился. А если кто поговорить хотел, то разве что-то рассказывал из книг на пользу братиям, и наиболее для тех, кто не знал Писания. И иные многообразные устройства были в их богоугодном житии. Каждому образ и меру правила давал преподобный отец. И не замечалось среди них ни одного, в ком бы проявлялась своя воля и свое мудрование. Но все волю настоятеля, словно Божие повеление, совершали без прекословия и ропота. Те, кто занимался рукоделием, все относили в общехранилище: ничего себе без благословения не оставляли. Никто ничего необходимого себе не брал, поскольку все необходимое: одежду, обувь и что-либо требуемое,— из общего брали. Сам же преподобный не любил облачаться в красивые одежды, но ветхое, много раз чиненное одеяние носил. Был же у преподобного следующий обычай: после утреннего пения и совершения обычного правила в келии, приходил в поварню посмотреть, какие блюда готовятся братиям. Умолял же и наказывал служителям в поварне, чтобы старались готовить пищу к упокоению их. Иногда же и сам помогал им готовить пищу, какая бывает выращена в пустыне руками своими: какая учреждена для пребывающих в нищете и нестяжании. Пьянства же никогда не наблюдалось, поскольку устав крепко законоположил преподобный Кирилл, чтобы не только при его жизни, но более после его смерти никто не дерзал пьянственное питье даже вносить в монастырь.

Великую заботу имел преподобный о мона-

стырских уставах, да не будут они разорены, а наиболее древних святых преданий и постнических законоположений да не преступят. Както святым Великим постом пришла княгиня Агриппина, супруга благочестивого князя Андрея, в обитель помолиться, поскольку место, на котором возникла обитель, находилось в землях князя. Была же княгиня весьма благочестива и христоролюбива, и иноческий чин почитала, и по отношению к преподобному отцу Кириллу проявляла усердие. Захотела же в день воскресный накормить братию рыбными блюдами, но святой не попустил этого. Много же раз умоляла преподобного отца, да разрешит братьям вкусить рыбы. Отвечал же ей святой: «Если это разрешу, то сам разорю монастырский устав. И скажут после моей кончины, что это Кирилл повелел в Великий пост вкушать рыбу»²¹. Княгиня же снабдила братию постными продуктами и отбыла домой, хваля крепость святого в хранении преданий святых отцов. Вот устав и чин монастырский. Теперь же расскажем о иных добродетелях святого отца.

Вспомним изначально дарованный ему от Бога дар умиления и слез. Когда он служил Божественную литургию или читал что-либо, или читающего слушал, или стоял на правиле, или братию поучал, никогда не мог слез удерживать, и это свидетельствовало о пребывании в нем теплоты Божественной любви²². Хранил же и веру великую к Богу со упованием: когда в обители случалась нехватка необходимого, и говорили братья ему, чтобы послал к неким христорлюбцам попросить у них потребного, он никогда не соглашался на это. Говорил же: «Если Бог и Пречистая Богоматерь забудут нас на месте этом, то тщетно подвизаемся в жизни этой». И утешал братию, уча их надеяться на Бога, а у мирских не просить милостыни, чтобы не уходили братья из монастыря в мир ради милостыни, да не уловит их враг своими соблазнами.

Бог же, видя раба Своего, так на Него уповающего, преклонял сердца многих вельмож, так что они сами присылали обильные от богатств своих милостыни. Он же с братией как от Бога посланное это принимал и благодаря Владыку Христа и Пречистую Его Матерь утешал малодушие братий. Да не умолчим же о прозорливости преподобного, поскольку имел он этот дар от Духа Святого, ради душевной своей чистоты. Некий брат, именем Феодот, в той же стороне, в пустыне когда-то жительствовавший, услышав о святом, пришел в его обитель и, возлюбив отца и обитель, умолял, да причтен будет к братьям. И был принят, и жил с ними. По про-

шествии некоторого времени вложил ему диавол ненависть ко святому отцу. И если сначала возлюбил его и верил ему, то теперь начал ненавидеть: не мог ни видеть его, ни даже слышать голоса его. И вложил ему лукавый такой помысел — выйти из обители. И боролся он с этим помыслом. И пришел к прежде упомянутому старцу Игнатию, богодухновенному мужу, и исповедал ему помысел свой. Старец же утешал его, говоря: «Терпи, брат, ради Бога! Обет дал Владыке Христу нашему, что будешь все ради Его любви терпеть. Да будет известно тебе, что помысел этот пришел от врага. Что ты видишь во отце достойного ненависти? Он словно ангел Божий. Говорю тебе, если помысла своего лукавого послушаешь и отсюда уйдешь, отступишь от спасения своего и врагу радость доставишь». Феодот же немного утешился, сказав: «Подожду еще этот год, может быть, изменит отец ко мне отношение».

И продолжал тем же помыслом смущаться, не переставал враг ему внушать ненависть ко святому. Пребывал же брат весь год в обители, борясь с помыслом и не имея покоя. Замыслил же к самому отцу придти и исповедать смущение мыслей своих. Войдя же к отцу в келию и воззрев на преподобное его лицо, устыдился святолепных седин его и из-за стыда не мог ничего сказать. Хотел же выйти, но удержал его старец и сказал: «Брат Феодот, поскольку ты сам не хочешь исповедать мне помышлений твоих, вот что я скажу тебе...» И начал святой рассказывать брату все, что он хранил в тайне сердца своего. Услышав это, брат ужаснулся и удивился прозорливости святого и, упав в ноги, просил прощения. Святой же, утешая его, говорил: «Не скорби, брат Феодот, все соблазняются на мой счет, почитая меня добрым. Ты один увидел истину, познав меня, как человека злого и грешного. Кто я такой, грешный и непотребный?» Брат же, видя отца так смиряющимися, сокрушался и плакал, и исповедал, что напрасно возненавидел ненавидением неправедным преподобного.

Преподобный же, видя покаяние Феодота, простил его и отпустил, сказав: «Иди, брат, с миром в келию свою, да не подступится к тебе более такая брань»²³. С этого времени обрел Феодот сердечный покой, начал большую любовь и веру испытывать ко отцу святому более, чем вначале. И не только одного Феодота помышления видел преподобный прозорливым оком своим, но многих. Приходящих в его монастырь он познавал издали, кто с каким намерением приходит, и при нем находившимся братьям говорил: «Этот брат хочет с нами жить, а тот намерен

уйти». И иные тайны сердца человеческого были открываемы ему от Бога. Не подобает же умолчать и о чудесах преподобного, но к прославлению Бога, дивного во святых, необходимо и об этом поведать. Приведен был как-то к преподобному Кириллу человек, одержимый бесом, по имени Феодор, весьма страждущий от нечистого духа: лютый бес в нем обитал. Преподобный же, сотворив молитву, изгнал беса, и исцелился Феодор, но не захотел уйти из обители, умоляя святого, да причтет его к лику иночествующих. Постриг Феодора отец во иночество и нарек имя ему Феофан.

Как-то не хватило вина для совершения церковной службы, и возвестили об этом преподобному, что не будет совершена в дни субботний и воскресный святая литургия. Преподобный же, призвав пономаря Нифонта, спросил его о вине, есть ли хотя бы чуть-чуть. Нифонт же ответил, что даже сосуд, в котором вино содержится, сух. И повелел святой принести к себе сосуд. Пошел пономарь, чтобы принести сосуд тот, и нашел его полным вина, так что даже через край переливалось, и весьма дивился этому. Ибо прекрасно знал, что ни капли вина не оставалось в сосуде и что был он сухим. Молитвами же святого в одно мгновение наполнился вином. Узнали же о том все братия и дивились чуду и славили Бога. Вино же долгое время не оскудевало в сосуде, до тех пор, пока неким христороубцем не было доставлено в обитель новое. Случился как-то голод великий, и начали голодающие приходить к обители преподобного. Он же велел подавать им хлеб, хотя небогата была обитель: не было тогда у нее ни сел, ни имений, но сами братья трудились и, если кто из христороубцев милостыню присылал, тем питались. И в то голодное время не оставалось в обители излишков пищи, только на пропитание братиям. Прошел же слух по окрестным селам, что в Кирилловом монастыре питают голодающих. Начали нищие и убогие стекаться к монастырю. Преподобный же игумен велел всех кормить, и, сколько ни подавали пищи, она по молитвам преподобного умножалась в обители, и питалось в то голодное время множество народа в монастыре святого Кирилла.

Случилось как-то загореться монастырским келиям, и не могли братья угасить пламени, которое постепенно все охватило. Казалось — вот-вот вспыхнет весь монастырь. Святой же, взяв крест, побежал к огню. В то время из города пришедший мирянин, увидев святого, бегущего с крестом, поспеял над святым: поскольку видел, как неугасимо полыхало все охватившее пламя. Встал же святой со крестом напротив пламени и начал молиться Богу

и Пречистой Богородице. И огонь, словно устыдившись святого, начал угасать и вскоре погас, опалив, но не сжегши монастырь. Посмеявшегося же человека Божие наказание постигло: нашла на него нечаянная болезнь и разбил его паралич. Познав же мирянин свое согрешение, начал исповедаться святому с покаянием. Святой же простил его, и помолился о нем, и, ознаменовав святым крестом, исцелил его. Тот же пошел к себе, проповедуя всем чудесные те дела.

Услышал же о бывших чудесах преподобного отца нашего Кирилла, не только в стороне той, но и в других, князь Михаил, прозываемый Белевским, проживший с княгиней своею Марией восемь лет и не имевший детей. Печалился он о бесчадии, но, услышав, что преподобный Кирилл все, что просит у Бога, получает, послал бояр своих ко святому с просьбой — да помолится о нем и о княгине, чтобы разрешилось неплодие ее. Пришли же посланные к преподобному и еще послания не вручили, сказал им блаженный: «Поскольку великий путь, о чада, вы совершили, верую Богу моему и Пречистой Его Богоматери, что труд ваш не тщетным останется, И даст Бог князю вашему плод чадородия». Они же дивились, как это старец узнал о том, ради чего они пришли. И познали в нем великого угодника Божия, и отдали ему послание князя. Святой же повелел их разместить. Тою же ночью во сне было видение князю Михаилу: видел старца честного, светоносного, украшенного сединами, держащего в руках три неких сосуда, и говорил он ему — прими то, что просил у меня. То же самое видение в тот же час было и княгине его Марии. Пробудившись же ото сна, князь начал пересказывать княгине видение свое — она же, предвосхищая его, сказала: «И мне тот же старец явился и дал три неких сосуда, сказав, прими то, что просила у меня». Увидев одно и то же видение, удивлялись и запомнили эту дату.

Преподобный же Кирилл три дня угощал присланных к нему бояр со слугами их и отпустил их с благословением князю. Отпуская же, повелел келарю, чтобы дал им хлеб, и полхлеба, и немного рыбы. Отвечали они: «Отче, повели дать нам побольше хлеба и рыб, поскольку далек наш путь. Места же безлюдные и негде будет нам купить хлеба и рыбы». Святой же сказал: «Идите с миром, хватит вам выданного даже до дома». Они же не смели более святому докучать, пошли и размышляли, где бы купить хлеба на дорогу. Ибо двадцать или даже более дней предстояло им путешествовать. А то, что дал им святой, могло хватить им и слугам лишь на день. Достигши

же первого ночлега, начали варить рыбу. Ее же немного выдали в обители, но когда варилась рыба, ее стало много. Сели же есть, положив полхлеба, и ели и насытились, а полхлеба превратилось как бы в полный хлеб, словно от него и не отламывали. Так же и рыбу многократно ели, а ее не уменьшалось. Тогда познали они, что истину говорил им отец преподобный: «Хватит вам этого даже до дому. Не печальтесь о пище».

На все время пути, пока не пришли домой, хватило им полхлеба. Целый же хлеб с принесенным благословением отдали князю и все подробно рассказали. Князь же с радостью принял и благословение и хлеб, удивляясь о рассказанных чудесах. И раздробив хлеб на части, всем, кто был в княжьем доме, раздал по куску. И вкушали все, словно великую святыню. И те, кто каким-либо недугом был одержим, выздоровели после вкушения этого хлеба. Спросил же князь посланных бояр, в который день они к преподобному пришли. И сравнив, понял, что пришли они к святому в то самое число, в которое князь с княгиней одно и то же видение узрели. С того времени родились у князя два сына и дочь. И уразумели они, что это и были три сосуда, данные им преподобным в видении. И питали великую любовь к преподобному, и многие милостыни посылали в обитель его.

Житие и чудеса преподобного отца нашего Кирилла описаны в книге, созданной в обители его, а также в Великих Четьих-Минеях блаженного Макария, митрополита Московского, которые хранятся в соборной церкви Пресвятой Богородицы в Москве²⁴. Мы же здесь не будем продолжать описание, но вкратце прочие чудеса вспомним. Некий Афанасий, живший далеко от обители, заболел и уже был при смерти, но послал к нему преподобный Священной воды, и он выздоровел. Белое озеро, огромное, разбушевавшееся, усмирил отец и рыболовов от потопления спас. Княгине, супруге князя Иоанна Карголомского, ослепнувшей, молитвою и окроплением святой воды даровал прозрение. Брата некоего Далмата, болевшего и без причащения Святых Таин (священник в служении святой литургии промедлил) умершего, воскресил из мертвых, чтобы он причастился Святых Таин. И причастившись, умер. Некий боярин, именем Роман Александрович, далеко жил от обители преподобного. Преподобного же Кирилла никогда не видел, только слышал о нем. В болезни, лютой смертью грозящей, помолился ко Пресвятой Богородице, — да облегчит ему болезнь. И увидел явившуюся ему Пречистую Божию Матерь с честным старцем, с преподобным Кириллом. Она же сказала больному: «Пошли

к этому старцу и даст тебе освященную воду и, когда выпьешь ее, станешь здоров». Больной же после видения послал к преподобному, моля о святой воде. И когда принесли воду от преподобного, выпил больной и выздоровел в тот же час. Спешно направился в обитель и, увидев преподобного, узнал, что он и есть тот самый старец, которого он видел вместе с Пречистой Богородицею, и, пав ему в ноги, возблагодарил его.

Жене некоей слепой молитвою и святой водой прозрение даровал. И иных слепых таким же образом врачевал. От мора великого, случившегося в тех краях, около Белого озера, никто в обители не умер. Один только брат Сосипатр болел, но и он выздоровел по молитвам преподобного отца. И сказал одному из братьев святой: «Имей веру, брат Христофор. Никто из вас прежде меня не умрет, а после смерти многие умрут вместе со мною». И сбылось это предсказание отца. Некий человек, именем Иаков, страждущий лютою болезнью, привезен был в обитель ради исцеления. Преподобный тому не только не хотел подать исцеления, но и в монастырь не хотел пускать. И лежал больной перед монастырем, из уст же его и ноздрей текла кровавая пена. И умоляли преподобного о больном, чтобы сменил гнев на милость. Пришел же в обитель муж, любезный святому. Увидев страдание больного, пожалел его и обратился к преподобному отцу с мольбой — да помилует болящего и испросит ему от Бога исцеление, как и для многих испросил. И сказал преподобный: «Верь мне, чадо, что эта болезнь не случайность — за грех любодения он страдает, но если обещает покаяться и прекратить грешить, верую Богу Мою и Пречистой Богоматери, что исцелится. Если же не покается, то еще больше пострадает». Пошел же этот человек и возвестил то, что услышал из уст преподобного, больному. Тот же устранился, услышав свои грехи обличаемыми, а они только Богу были известны, и со слезами каялся и обещал перестать грешить. Тогда сам преподобный Кирилл пришел к больному, чтобы помилосердствовать о нем, и, приняв исповедание грехов, помолился о нем и исцелил его благодатию Божией.

После всего преподобный отец наш Кирилл ото многих своих трудов и старости изнемог и, болезнями телесными объят, приблизился к блаженной кончине своей. И, призвав братию, а было их тогда пятьдесят три человека, завещал им, чтобы после исхода его никто не дерзал общежительного устава разрушить. И, поучив их довольно, нарек им игуменом Иннокентия, мужа добродетельного. Причастившись Божественных

Таин, благословение же всем и последнее целование каждому преподав, с молитвой на устах, честную и святую душу свою предал в руки Божии месяца июня в 9 день, в день памяти тезоименитого себе святого Кирилла Александрийского, в понедельник Святой Троицы, после воскресенья Пятидесятницы²⁵. Просветилось же его святолепное лицо, и благоухание от мощей его изошло. И плакали над ним ученики его и честно погребли. Случилось же преставление его в год бытия мира 6935, воплощения же Бога Слова 1427, прожил же он всего девяносто лет. Пришел же в Белозерскую

пустыню шестидесяти лет, а в ней прожил тридцать лет. И в жизни своей благодатию Божией и с помощью Пречистой Богоматери многие чудеса сотворил, так и после преставления своего не переставал чудодествовать, бесов от людей отгоняя и всякие болезни у тех, кто с верою к нему притекает, исцеляя. Как, впрочем, в более подробной истории о нем пишется. Мы же, сократив ее, славим Бога, который угодника Своего прославил во славу Пресвятого Имени Своего, от всей твари славимого, ныне, всегда и во веки веков, аминь.